

«Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?..»

Сегодняшний юбилей ещё раз напоминает, что Иван Бунин, несомненно, был первым писателем Зарубежной России. Его собрания по перу, включая Дмитрия Мережковского, единодушно и без оговорок восприняли этот его высокий литературный статус.

И первым он стал не только потому, что получил в ноябре 1933 года Нобелевскую премию, но ещё и благодаря своему активному неприятию установленной в России коммунистической диктатуры. Немаловажен к тому же и тот неоспоримый факт, что Иван Алексеевич свои литературные шедевры создал в эмиграции. Важно знать и помнить, что долгое время в Советском Союзе всячески замалчивалось самоочевидное из литературной жизни русского зарубежья. А именно то, что Иван Бунин, Дмитрий Мережковский, Борис Зайцев, Алексей Ремизов, Иван Шмелёв, Константин Бальмонт, Георгий Иванов, Владислав Ходасевич написали свои лучшие книги в изгнании. Это противоречит распространённому в советском литературоведении и критике мнению, что будто бы нельзя создавать шедевры вдали от своей страны, будучи оторванным от родной почвы.

Долгие годы в СССР писали бог знает что по этому поводу. Теперь в постсоветской России все, наконец, соглашаются, что к самому лучшему, что создано И.А. Буниным, относятся его «Окаянные дни», «Митина любовь», «Солнечный удар», «Жизнь Арсеньева», «Лика», «Освобождение Толстого», «Тёмные аллеи», «Воспоминания». Все эти произведения написаны во Франции.

Фотопортрет И. Бунина. Грасс, 1926.

С дарственной надписью проф. Н.К. Кульману. © Р. Герра

Иван Бунин и другие писатели-изгнанники своим творчеством доказали, насколько они были сильны не только духом, но и всем своим существом. Так писать по-русски, как писали эти люди, в отрыве от родины, живя в другом мире, в другой языковой стихии, писать всё лучше и лучше, несмотря на возраст, на трудные материальные, психологические и моральные условия, разве это не чудо? К тому же возникает вопрос — писать по-русски для кого? Не только для эмигрантов, но и для будущей России. Я считаю сейчас и считал всегда, что это поистине настоящий подвиг. И каждый из писателей-эмигрантов по-своему, в меру своих сил и возможностей, его совершил.

И.А. Бунин — один из тех редких писателей XX века, который дважды победоносно возвращался своими книгами на родину.

Первое возвращение было во время хрущёвской «оттепели». Я уже в 1968 году обратил внимание, что его книги в московских

букинистических магазинах почти не попадались. Безусловно, тогда существовал к нему огромный, неподдельный интерес. Потом, с разными приключениями, наконец, издали в 1973 году бунинский двухтомник в серии «Литературное наследство»¹, не включив в него статьи Б.К. Зайцева и Г.В. Адамовича. И это при том, что к ним официально обращался сам С.А. Макашин, член редколлегии «Литературного наследства», с просьбой написать воспоминания об Иване Алексеевиче. Они написали, но их не напечатали, естественно, по идеологическим причинам. Это было бестактно и очень некрасиво, так как Адамович и Зайцев согласились писать бесплатно, я знаю, как они честно трудились, учитывая академический характер издания. К счастью, Г.В. Адамович успел при жизни напечатать свой текст в «Новом журнале»².

Второе триумфальное возвращение И.А. Бунина произошло в конце восьмидесятых годов. «Окаянные дни»³ вышли в 1990 году не одним, а пятью изданиями, с общим тиражом почти миллион экземпляров. Были напечатаны ранее запрещённые рассказы И.А. Бунина — «Под серпом и молотом», «Товарищ Дозорный», «Красный генерал» и его «Воспоминания». Вокруг его книг возник не просто интерес, а скорее — ажиотаж. Книги писателя выходили миллионными тиражами. И это, как мне кажется, редкий случай в русской и вообще в мировой литературе. Это свидетельство того, насколько писатель был нужен России, какое воздействие на общественное сознание россиян оказывал его авторитет. Я бы ещё добавил — его взыскующая совесть. Книги И.А. Бунина, особенно «Окаянные дни», к сожалению, актуальны и по сей день.

¹ Литературное наследство. Том восемьдесят четвёртый в двух книгах. Иван Бунин. Книга первая. Издательство «Наука», М., 1973, 696 с. / Книга вторая. 551 с.

² Г. Адамович. Бунин. Воспоминания. Новый журнал № 105, Нью-Йорк, декабрь 1971. С. 115–137.

³ И.А. Бунин. Окаянные дни. Изд. Советский писатель, М., 1990, 175 с., тираж 400 000 экз. / И. Бунин. Окаянные дни. Под серпом и молотом. Сост. Р. Тименчик. Изд. ЦК КП Латвии, Рига, 1990, 237 с., тираж 100 000 экз. / Иван Бунин. Окаянные дни. Вступ. ст. А.К. Бабореко. Изд. Советский писатель, М., 1990, 414 с., тираж 100 000 экз. / И. Бунин. Лишь слову жизнь дана... Сост., вступ. ст., примеч. и имен. указ О.Н. Михайлова. Изд. Советская Россия, М., 1990, 368 с., тираж 50 000 экз. / Олег Михайлов. Иван Бунин. Окаянные дни. Сост. предисл. О. Михайлова. Изд. Молодая гвардия, М., 1991, 335 с., тираж 200 000 экз. / И.А. Бунин. Окаянные дни. Предисл. О. Михайлова, примеч. С. Крыжицкого. Приокское книжное издательство, Тула, 1992, 319 с., тираж 75 000 экз.

26 января 1920 года Иван Бунин с женой Верой Николаевной Муромцевой на французском пароходе «Спарта» отплыли из Одессы в Константинополь, навсегда покинув Россию. Бунин мучительно переживал трагедию расставания и разрыва с родиной. Как человек умный и прозорливый, он понимал, что наступившее лихолетье надолго, потому что знал лучше, чем многие другие писатели, русский народ. В марте 1920 года Бунины прибыли в Париж. И это было не случайно. Бунин был не только русским европейцем, но и человеком мира. Ведь с 1900 года он много путешествовал по Европе и Востоку, посещал Германию (Берлин, Нюрнберг), Францию (Париж, Ницца, Больё, Монте-Карло), Швейцарию, Италию (Рим, Генуя, Венеция, Неаполь, Флоренция, Капри), Грецию (Афины), Турцию (Константинополь), Финляндию, Египет, Сирию, Палестину...

С лета 1923 года Бунины главным образом жили на юге Франции в Приморских Альпах. В Грассе они снимали сначала квартиру на вилле «Мон-Флёри», потом виллу «Бельведер», а во время войны виллу «Жаннет», где были написаны «Тёмные аллеи», которые Бунин считал самым совершенным своим созданием. Зинаида Шаховская показала мне его надпись на титульном листе этой книги: «“Декамерон” написан был во время чумы, “Тёмные аллеи” в годы Гитлера и Сталина — когда они старались пожрать один другого»⁴.

Р. Кастор. Портрет И. Бунина. Приморские Альпы, 14 февраля 1935. Инскрипт И. Бунина: «Я приветствую вашу благородную и щедрую Родину, которая мне предоставила убежище в этом изгнании, в эти страшные дни, когда наша несчастная страна лежит там, поистине обремененная всеми казнями египетскими. Иван Бунин. Приморские Альпы, 1935».

© Р. Герра

⁴ Шаховская. Отражения. Париж, Умса-Press, 1974. С. 158.

Грасс в некоторой степени внёс в его жизнь определённую ноту, потому что у Буниных бывали Шмелёв, Зайцев, Алданов, Фондаминский, Мережковский, Гиппиус, Адамович, Ходасевич, Берберова, Степун, Рахманинов и многие другие. Мне кажется, Бунин был своеобразным магнитом. Многие с ним хотели встречаться, общаться.

Лазурный берег притягивал к себе представителей русской культуры с давних пор. Эта традиция пошла от Гоголя, Тютчева, Чехова. Антон Чехов — один из кумиров и Бунина, и Зайцева, которые в конце жизни написали о нём книги⁵. С 1947 года Бунины гостили в «Русском доме» на вилле «Ле Фурнель» в Жуан-ле-Пен.

Как ни странно, даже Нобелевская премия, присуждённая Бунину, не изменила его положения. Награда не очень ему помогла, несмотря на то что он был первым из русских писателей, удостоенных Нобелевской премии по литературе. Правда, благодаря этой премии Бунина стали переводить во Франции. Но это длилось совсем недолго. Как ни странно, у него книг на французском языке было не так уж много, гораздо меньше, чем, например, у другого писателя-эмигранта — Алексея Ремизова. В те годы самое престижное французское издательство «Галлимар» выпустило несколько переводов его книг. Но какие это были книги? Назову их: «Деревня»⁶, «Господин из Сан-Франциско»⁷. Выбор именно этих книг был самоочевиден: дореволюционная эпоха, критика царской России. Ни на «Солнечный удар», ни на рассказы из сборника «Тёмные аллеи» издательство не обратило никакого внимания. Слово их вообще не существовало.

И это была общая участь писателей первой волны послеоктябрьской эмиграции — их произведения почти не переводили. Например, у Бориса Зайцева за пятьдесят лет жизни в эмиграции вышли на французском языке всего лишь две книги: «Анна» и «Золотой узор»⁸. Можно также задать себе вопрос: почему «Ока-

⁵ Борис Зайцев. Чехов. Литературная биография. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1954, 260 с. / И.А. Бунин. О Чехове. Незаконченная рукопись. Предисловие М.А. Алданова. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1955, 412 с.

⁶ Ivan Bounine Prix Nobel 1933. Le Village. 10e édition nrf. Gallimard, Paris, 1934. 292 с.

⁷ Ivan Bounine Prix Nobel 1933. Le monsieur de San Francisco. 10e édition nrf. Gallimard, Paris, 1934. 342 с.

⁸ Boris Zaïtzev. Anna. Ed. Saint-Michel, Paris, 1931, 279 с. (Les Maîtres étrangers) / Boris Zaïtsev. La guirlande dorée. Hachette, Paris, 1933, 286 с. (Collection Les meilleurs romans étrangers).

янные дни» появились во французском переводе⁹ только в конце восьмидесятых годов, после их публикации в Москве¹⁰? Потому что эта книга была на Западе, как ни странно, неактуальна, неприятна и как бы «несозвучна эпохе». Ведь почти все французские издательства были с определённым левым уклоном. Так что не нашлось ни издательства, ни переводчиков. Тут надо учитывать тот факт, что почти все французские переводчики, работающие, например, на «Галлимар», были коммунистами или теми людьми, которые симпатизировали их убеждениям. Так разве они могли позволить себе переводить такие книги, как «Окаянные дни»? И только благодаря перестройке в СССР «Окаянные дни», наконец-то, вышли и во Франции. Ради справедливости отмечу, что за последние годы появились новые книги Бунина на французском языке. Однако они вышли в свет только потому, что в постсоветской России его стали печатать большими тиражами.

То же самое относится и к книгам Бориса Зайцева, Алексей Ремизова и Гайто Газданова. Первый однотомник Ивана Шмелёва¹¹, которого среди французских славистов считали реакционером, чуть ли не фашистом, вышел в Москве тиражом в один миллион экземпляров.

Благодаря профессору-антикоммунисту Франсуа де Лабриоль, автору докторской диссертации об И.А. Крылове, в 1975 году я, молодой доцент, первым начал читать в Парижском университете цикл лекций, посвящённых бунинским «Окаянным дням», его рассказам «Товарищ дозорный», «Красный генерал», «Под серпом и молотом», книгам «Митина любовь», «Солнечный удар», «Жизнь Арсеньева», «Тёмные аллеи». Это приводило в ярость моих коллег-коммунистов: Л. Робеля, К. Фрийу, И. Сокологорскую, Ж.-П. Бенуа и других, которые стали писать на меня доносы в Министерство высшего образования, чтобы добиться мое-

Собрание сочинений
И. А. Бунина. Т. X.
Окаянные дни.
Берлин, Петрополис,
1935

⁹ Ivan Bouinine. Jours maudits. L'Age d'Homme, Lausanne, 1988. 179 c.

¹⁰ Фрагменты из «Окаянных дней» вошли в Собрание сочинений Бунина в 6 томах. Т. 6. Изд. Художественная литература, М., 1988.

¹¹ И.С. Шмелёв. Избранное. Изд. Правда, М., 1989.

го исключения из университета за мои книги и статьи о русских писателях-эмигрантах.

Интересно, что уже в наше время французские слависты-коммунисты без всякого зазрения совести стали писать предисловия и послесловия к произведениям Бунина и других писателей-эмигрантов. Когда эти люди взялись за написание статей о тех, кого они ещё вчера упорно замалчивали, им было уже под семьдесят лет.

Я задаю вопрос этим новоявленным энтузиастам по исследованию творчества русских писателей, о которых ещё вчера они не хотели слышать, не ради полемики, а исключительно для того, чтобы самому понять логику их действий и обозначить степень их цинизма. Мне интересно знать, до какого предела доходят беспринципность и аморальность некоторых людей. Почему эти горючие раньше, до распада Советского Союза, не писали об Иване Бунине и других писателях-эмигрантах? За пять лет дружбы и сотрудничества с Б.К. Зайцевым я ни одного французского слависта у него не встречал. Где они были? Они занимались своей карьерой и понимали, что общение с теми или другими из последних представителей литературы Зарубежной России может им навредить. И те самые, которые часто ездили в командировку в СССР, выступали на научных конференциях, ни строчки не написали и словом не обмолвились о том, что во Франции в изгнании жили Бунин, Мережковский, Гиппиус, Шмелёв, Зайцев, Ремизов, Бальмонт, Г. Иванов, Одоевцева, Адамович, Ходасевич, Берберова, Тэффи, Анненков, Шаршун и др.

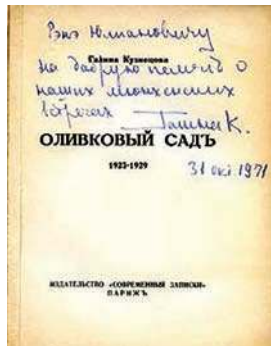
И вдруг неожиданно они избавились от своей немоты, стряхнули с себя неприязнь к этим писателям и заговорили о них взахлёб, хором и по отдельности.

Из близкого круга друзей Бунина я, волею судеб, знал и даже дружил со многими. Среди них: Б.К. Зайцев, Г.В. Адамович, В.В. Вейдле, Г.Н. Кузнецова, М.А. Степун, Л.Ф. Зуров, Я.М. Седых, А.В. Бахрах, С.М. Лифарь, В.А. Могилевский, Ю.К. Терапиано, И.В. Одоевцева, Л.Д. Червинская, Н.Н. Берберова, З.А. Шаховская, Е.Л. Таубер, С.Ю. Прегель, Т.Д. Муравьёва-Логинова, Н.В. Кудрянская, С.И. Шаршун, Н.Н. Оболенский, А.Е. Величковский, В.М. Зернов...

Сколько интересного и любопытного они мне рассказывали о И.А. Бунине! Конечно, они все хранили благодарную память о нём, прекрасно понимая, что им выпали редкая удача и великое счастье входить в окружение последнего русского классика. Но, говоря об этих взаимоотношениях, нельзя забывать, что воспоми-

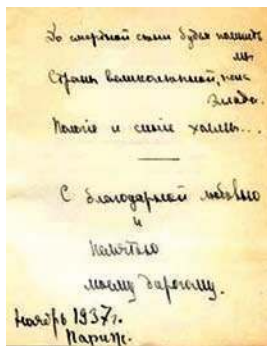
нания того или другого из современников имели место через пятнадцать или двадцать лет после его кончины, когда время сделало своё дело, и страсти, конфликты уже улеглись.

Прежде всего, хочется вспомнить рассказы Б.К. Зайцева, который в конце жизни часто вспоминал Ивана Алексеевича; переживал их разрыв, случившийся в январе 1948 года из-за исключения из эмигрантского Союза писателей тех, кто взял советский паспорт, поверив указу Президиума Верховного Совета СССР от 19.06.1946 года о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи. Однако Зайцев не чувствовал за собой вины, полагая, что он и Бунин оба были виноваты и что поневоле были вовлечены в эту распрю из-за сталинского указа. Ему было тягостно об этом вспоминать. Борис Константинович говорил, что за месяц до смерти Ивана Алексеевича он послал ему письмо, чтобы помириться. Бунин так и не ответил, потому что уже ответить не мог. Но Зайцев очень переживал, так как он с большим уважением относился к Бунину. Он понимал первенствующее положение Бунина в русской зарубежной литературе, и с этим никто не спорил, даже представители младшего поколения. Это было ясно, я думаю, даже для Набокова, Газданова, не говоря о Ходасевиче, Берберовой, Адамовиче, Вейдле, Гуле, Горбове, Варшавском, Иваске, Величковском, Шаршуне, Терапиано, Одоевцевой, Червинской, Шаховской, Таубер... Кроме того, Борис Константинович любил вспоминать его близость к народу, несмотря на барственность. За последние десять лет жизни он немало написал о Бунине, о своих встречах и взаимоотношениях. Гордился тем, что был с ним «на ты». На литературном вечере в его квартире в Москве (в доме на углу Гранатного переулка и улицы Спиридоновка) 4 ноября 1906 года, после чтений, Иван Алексеевич познакомился с Верой Николаевной Муромцевой, верной и преданной спутницей всей его жизни¹². Вот что он писал в своей чуть ли не последней статье:

Г. Кузнецова.
Оливковый сад.
Париж, Современные
записки, 1937.
Дарственная надпись
автора: «Рэнэ
Юлианавічу
на добрую памяць о
наших мюнхенских
вистрачах. Галина К.
31 окт. 1971».
© Р. Герра

¹² В.Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина 1870–1906. Париж, 1958. С. 170.

Г. Кузнецова.
Оливковый сад.
Париж, Современные
записки, 1937.
Дарственная надпись
автора И. Бунину.
© Р. Герра

зрил своё кредо: «Дорогие соотечественники! Только что получил Вашу открытку, спешу ответить на Вашу анкету — только на первый вопрос: «Почему мы непримиримы с большевизмом?» — После того, как большевизм так чудовищно ответил сам на этот вопрос своей деятельностью своего пятнадцатилетнего существования? Я лично совершенно убеждён, что наименее, лживее, злей и деспотичней этой деятельности ещё не было в человеческой истории даже в самые подлые и кровавые времена. *Ив. Бунин 26. X. 1934 Grasse, Alpes Maritimes*».¹⁴

Иван Бунин был не только умным, но и трезвым человеком. Советская Россия стала для него «кладбищем всего, чем жил когда-то». Эти слова занесены Буниным в дневник 2 апреля 1944 года. За шесть месяцев до смерти в письме от 20 апреля 1953 года своему другу Марку Алданову Бунин пишет: «Позовёт ли меня опять в Москву Телешов не знаю, но хоть бы сто раз туда меня позвали и была бы в Москве во всех отношениях полнейшая свобода, а я мог бы двигаться, всё равно никогда не поехал бы я в город, где на Красной площади лежат в студне два гнусных трупа».¹⁵

¹³ Борис Зайцев. Изгнание. Русская литература в эмиграции. Сборник статей под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. (409 с.) С. 4.

¹⁴ «Под русским стягом». — Новое Русское Слово № 22 (932). — Нью-Йорк. 27 марта, 1973. Публикация Сергея Войцеховского.

¹⁵ Новый журнал № 156. Нью-Йорк, сентябрь 1984. С. 155.

«Всё же, в начале эмиграции в особенности, интерес к восточным пришельцам был, у культурной и не крайне левой части французской литературы и интеллигенции. Наиболее ярко выступило это в присуждении Нобелевской премии русскому, Бунину, в 1933 году. Был и советский кандидат, Горький, с именем всемирным, чего у Бунина не было. Но Шведская Академия предпочла бесподданного эмигранта. В эмиграции русской это присуждение встречено было восторженно. Как бы «последние да будут первыми»».¹³

В 1934 году, через год после получения Нобелевской премии, отвечая на анкету, разосланную Российским Общественным комитетом в Польше, Бунин чётко выра-

В заключение, к столетию Великого исхода, хочу привести выдержки из исторической речи Бунина «Миссия русской эмиграции», произнесённой 16 февраля 1924 года в Париже: «...Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая возложена судьбой на нас... Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было сказать: “Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния её захватчиков”... Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека... Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет ленинских градов, ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия... Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?..»

Франция, Ницца

Родина

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.

Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.

Иван Бунин, 1896 г.